

Верба (Юлия Артюхович)

Член Союза писателей России, доктор философских наук, профессор. Поэт и прозаик. Автор более 250 научных и художественных публикаций (в том числе десяти научных монографий, более 60 поэтических и прозаических циклов и десяти книг стихов и прозы).

Живет в Волгограде. Публиковалась в литературных журналах: «Наш современник», «Белая Вежа», «Отчий край», «Перископ», «Здоровье и экология», «Слово – детям»; в «Литературной газете», «Новых известиях» и др. Лауреат международных конкурсов «Союзники-8», «Поэзия без границ», Gnesin-jazz-voice – 2021, литературной премии им. В. Б. Смирнова «Отчий край», Государственной премии Волгоградской области, дипломант премии им. Антона Дельвига «За верность Слову и Отечеству», номинант Международной премии за доброту в искусстве «На благо мира». Награждена золотой медалью В. Шукшина и почетной грамотой Союза писателей России, почетной грамотой губернатора Волгоградской области, почетными грамотами и благодарственными письмами Волгоградской областной и городской думы, почетной грамотой Президиума ЧИАССР (1990) и др.

Заговор на жизнь

Наташа проснулась рано. Она долго вертелась перед зеркалом, но никак не могла привести себя в порядок: волосы торчали в разные стороны, губная помада ложилась неровно, тушь комками липла к ресницам.

Девушка нервничала. Сегодня она должна быть особенно красивой, потому что в обеденный перерыв пойдет с женихом покупать кольцо. То, которое Саша наденет ей на палец, когда попросит стать его женой. Саша сказал, что невеста сама должна выбрать кольцо, которое ей понравится. И Наташа его выбрала: строгое, но изящное, с ярким бриллиантом в середине тонкого золотого цветка.

Первая половина дня прошла медленно и бестолково. Наташа перепутала цифры в отчете, забыла проверить электронную почту и поругалась с коллегой из соседнего отдела по незначительному поводу. Все внимание девушки было приковано к большому круглому циферблату над столом подруги Иры, который неторопливо отсчитывал минуты, приближавшие Наташу к замужеству. Наконец наступил полдень, и сотрудники весело потрусили вниз по этажам навстречу желанному обеду и отдыху.

Наташа выбежала из здания и огляделась: нигде в обозримом пространстве жених не обнаруживался. Девушка позвонила Саше, но он не ответил. Бесцельно покружив по ближайшим улицам, Наташа вновь позвонила жениху. Теперь его номер был недоступен. Вернувшись на работу, Наташа уже не владела собой. Она пыталась позвонить Саше по скайпу, искала его во «ВКонтакте», в других соц-сетях – все было напрасно.

После работы Наташа отправилась к жениху домой. Дверь долго не открывали, потом на пороге показалась худая высокая женщина с мальчишеской стрижкой. На-

таша уже видела ее на фотографии и знала, что зовут женщину Мариной. Они встречались с Сашей несколько лет, а потом расстались. Почему – Саша не рассказывал. Он вообще говорил о Марине редко и неохотно. Да, увидеть здесь женщину из Сашиного прошлого Наташа не ожидала... Марина стояла на пороге, загородив собой проход в коридор, и внимательно разглядывала непрощенную гостью.

– Саши нет дома. И вам здесь делать нечего.

– Я вообще-то его невеста, – неожиданно тонким голосом вскрикнула Наташа.

– А я – его жена. Больше не приходите сюда и ему не звоните.

– Это почему? – возмутилась Наташа.

– Потому. Уходите.

Дверь захлопнулась перед Наташиным носом. Она несколько минут растерянно постояла на пустой лестнице, потом спустилась вниз. Еще раз позвонила Саше, и снова никто не ответил.

Наташа не помнила, как добралась домой. За всю ночь девушка не сомкнула глаз: смотрела в потолок и думала, почему же Саша так с ней поступил. Ответа найти она так и не смогла.

Утром девушка отпросилась у начальницы и отправилась к Саше на работу. Тот встретил ее смущенно и нерастоянно. Рассказал, что Марина вернулась к нему неожиданно и, похоже, навсегда. На вопрос Наташи, почему он не рассказал о возможном визите соперницы, Саша промямлил, что сам не был уверен в намерениях Марины:

– Понимаешь, мы с ней столько раз собирались пожениться, что я уже перестал ее ждать. Но вчера вечером, когда Марина вернулась, я понял, что больше мне никто не нужен. Поэтому и не сказал тебе ничего.

– А как же я? – тихо спросила Наташа.

– Прости, милая, – грустно ответил он, осторожно дотронувшись до ее холодных пальцев. – Это жизнь. Прости и прощай.

Саша кивнул Наташе на прощание, помахал ей рукой, как чужой, и исчез в длинном коридоре.

Девушка собралась с силами и медленно побрела домой. Она легла на неразобранную кровать и пролежала без сна до утра.

На работе всё валилось из рук. Бледная, осунувшая Наташа как тень безмолвно бродила по комнате, невпопад отвечала на вопросы, теряла документы. О причине своего неадекватного состояния она решила рассказать только ближайшей подруге Ире. Та сочувствовала, но требовала решительных мер: встретиться с неверным женихом, «разобраться» с соперницей, наконец, пойти к врачу – пусть лекарство какое-нибудь выпишет. Нельзя же так себя мучить! Но у Наташи просто не хватало сил что-либо предпринимать. Да и какое лекарство может помочь в такой ситуации?

На работе девушка еще как-то держалась, а дома бесцельно слонялась из угла в угол, потому что боялась ночи. Она знала, что опять не сможет уснуть.

На следующий день Ира вызвала ее в коридор и сунула в руку листок с адресом.

– Это экстрасенс, нашей соседке реально помог. Иди немедленно! Нужно же что-то делать!

Наташа вздохнула, равнодушно взяла адрес и в обеденный перерыв отправилась на прием. Она ничего не ждала от этого визита, но услышанное поразило в самое сердце. Экстрасенс подробно описал внешность Марины и сообщил, что эта женщина сделала ей заговор на смерть и поставила в церкви свечи за упокой Наташиной души. Снятие заговора оказалось делом долгим и нелегким, но, потрясенная до глубины души, девушка безропотно выпол-

нила первое задание: посетила три церкви и в каждой заказала о себе молитву-сорокоуст «за здравие». Ночь опять прошла без сна.

Утром, вместо того чтобы ехать на работу, Наташа вновь отправилась по знакомому адресу. Долго звонила, потом стучала и звала Сашу. Наконец из-за двери раздался грубый женский окрик:

– Убирайся вон, я сейчас полицию вызову!

Девушка не стала дожидаться приезда стражей порядка. На трясущихся ногах она вышла из подъезда.

Саша позвонил ей сам. Узнав о заговоре, не поверил и посоветовал прекратить «беспочвенные и лживые обвинения».

– Не смей выдумывать такое о Марине! – возмущенно повторял бывший жених. – И вообще... даже если что-то и было, то она права, потому что семью защищает.

После очередной бессонной ночи Наташа приступила к выполнению следующего задания экстрасенса. Она купила простой белый платок и три дня носила его завязанным на талии перед проведением важного кладбищенского ритуала. Платок следовало снять, завернуть в плотную бумагу и в полночь бросить на ближайшую могилу со словами: «Откуда смерть ко мне привели, туда ее отправляю. А ты, усопший, возьми да куда следует передай!».

Самостоятельно выполнить это задание Наташа не решилась и обратилась за помощью к подруге. Ира, поразмыслив, решила привлечь к выполнению ритуала любимого дедушку. Отставной полковник Николай Иванович, крепкий худощавый старик, вел активный образ жизни и охотно общался с детьми и внуками.

После работы девушки сразу же отправились к нему в гости. Чтобы не тратить времени зря, Ира начала с главного:

– Дед, тут такое дело: мы с Наташей на кладбище собираемся. Давай с нами!

Николай Иванович удивился:

– Спасибо, внученька, за предложение, но я еще пожить хочу. Да и вам вроде бы на кладбище рановато.

– Дед, не смейся, у нас дело серьезное. Наташе заговор на смерть сделали. Она уже в три церкви ездила, в каждой молитву заказывала. Сегодня в полночь нужно быть на кладбище, а мы сами идти боимся.

– Зачем на кладбище?

– Чтобы платок Наташин на могилу бросить.

– Слушайте, девушки, вы случайно не того? Умом не тронулись?

– Пока нет, но Наташа, похоже, уже на грани. Она неделю по ночам не спит.

– Так, а теперь подробнее про этот заговор. Говорите четко и ясно, кто, когда, за что и для чего.

Наташа только открыла рот, чтобы ответить, как Ира, привыкшая к манере общения родственника, уже отчеканила:

– Гражданская жена ее жениха Марина; неделю назад; за то, что Саша на Наташе жениться хотел; для того чтобы Наташа умерла и их счастьем не мешала. Бывает же такое: они с Сашей пожениться собирались, а тут эта Марина неожиданно у него поселилась, Наташин номер в телефоне у Саши заблокировала, из друзей во «ВКонтакте» и в других соцсетях Наташу удалила, еще и заговор на смерть сделала.

– Подожди, не тарыхти. А сам Саша что говорит?

– В заговор не верит, но Марину оправдывает. А Наташа белый платок три дня носит, сегодня срок истекает и в полночь на кладбище надо. Дед, пойдем, а?

Николай Иванович помолчал и повернулся к Наташе.

– Что, вы вправду с ним пожениться собирались?

– Да, в тот день кольцо должны были купить. Я сама выбирала. Только он не пришел.

– А красивое кольцо-то?

– Да, очень.

– Дорогое?

– Двадцать тысяч.

Николай Иванович вышел в соседнюю комнату, долго стучал и шуршал чем-то за дверью, потом вернулся и протянул Наташе сложенные купюры.

– Езжай за кольцом.

– Как?

– Так. Купи кольцо и возвращайся с ним сюда. На кладбище мы не пойдем. Я знаю, как заговор с тебя снять. Ну, чего стоишь?

– Спасибо! Я сразу верну! У меня на свадьбу деньги отложены.

– Не суетись. Когда сможешь – вернешь. А для тебя, Ира, тоже задание есть: будешь праздничный стол готовить. Вот тебе на расходы. Сейчас список продуктов составим.

Когда Наташа вернулась, прижимая к груди пакетик с заветной коробочкой, стол уже был накрыт и притягивал взгляд продуктовым изобилием. Около каждого прибора блестели хрустальными гранями фужеры и стопочки.

Девушки приготовились сесть за стол, но Николай Иванович их остановил:

– Рано. Сначала подготовительную работу провести нужно. Доставай телефон, Наташа. Откуда, говоришь, тебя из друзей удалили? Вот теперь из всех этих мест Александра убирай и номер его блокируй.

Наташа выполнила указание старого полковника, без сожаления разорвав последние непрочные ниточки, связывавшие ее с неверным возлюбленным. Николай Иванович удовлетворенно кивнул, плеснул на самое дно стопочек пахучего французского коньяка и скорбным голосом произнес:

– Сегодня в социальных сетях и виртуальном пространстве скоропостижно скончался Александр Синцов. Почтим его память, но вставать не будем.

Ирина хмыкнула, а по исхудавшему лицу Наташи медленно покатилась одинокая слеза. Николай Иванович снова налил всем немного коньяка:

– Не плачь, слезами горю не поможешь. В связи с виртуальной кончиной Александра Синцова объявляю Наталью Белянскую его вдовой. Надевай кольцо, Наташа! Носи и помни, что не всем людям доверять можно.

Потом Николай Иванович подвинул к себе бутылку шампанского и провозгласил:

– В связи с вышеизложенным заговор на смерть Натальи Белянской будем считать недействительным. Заговариваю тебя, Наташа, на жизнь – радостную и счастливую!

Пробка звонко ударила в потолок, возвещая начало новой жизни. Наташа уплетала пироги и салаты и украдкой поглядывала на левую руку, где маленький бриллиант во «вдовьем» кольце вспыхивал разноцветными искорками. Голова у нее кружилась от шампанского или от какого-то нового, незнакомого чувства, которое трудно выразить словами.

Зато Наташа уже не боялась ночи и в первый раз за эту неделю спокойно проспала до утра.

Проверка

В пятницу Лариса Витальевна шла на работу в плохом настроении. Никак не могла забыть о странном разговоре с подругой. Вчера, после обеденного перерыва, Нина забежала к ней с таинственным и важным видом. Она строго окинула взглядом комнату и решительно заявила: «А ну, девчонки, погуляйте пять минут, нам с Ларисой Витальевной пошептаться надо». Молодые сотрудницы засмеялись, защебетали, пестрой стайкой радостно вспорхнули со стульев и скрылись в коридоре.

Нина удобно устроилась в кресле напротив и строго посмотрела на Ларису Витальевну.

– Ну давай!

– Чего давать? – удивилась Лариса Витальевна.

– Колись про своего!

– Не поняла. Чего ты хочешь?

– Ну рассказывай!

– Да что рассказывать?

– А что, нечего рассказать? Может, и не было ничего? Ты мне лапшу на уши не вешай! Я тебя сто лет знаю, Ларка! Врать ты не умеешь!

– Так, Нина, давай еще раз. Что я должна тебе рассказать?

Нина с обидой смотрела на подругу и молчала.

– Нина! Ну ты чего?

– Ничего. Не хочешь – не надо.

Нина резко встала и быстро вышла из комнаты. После работы она пулей промчалась мимо Ларисы Витальевны, хотя им было по пути.

Вот и сегодня подруга прошла мимо с высокомерным и независимым видом. Лариса Витальевна окликнула ее, но Нина даже не оглянулась.

Вздыхнув, Лариса Витальевна углубилась в отчетную документацию, но тут зазвонил телефон. Секретарь пригласила ее на совещание.

К удивлению Ларисы Витальевны, в кабинете начальника больше никого из сотрудников не было. Женщина вопросительно взглянула на молодого руководителя, который почему-то отводил взгляд и задумчиво крутил в руках мобильный телефон. Повисла неловкая пауза.

– Я вас слушаю, Вадим Александрович, – официально напомнила о своем присутствии Лариса Витальевна.

Начальник вздрогнул, выронил телефон, долго искал его под столом. Потом поправил волосы и неожиданно тонким голосом произнес:

– Как вы знаете, я никогда не позволял себе вмешиваться в личную жизнь сотрудников. Но если есть сигналы, я обязан как-то реагировать. Понимаете?

– Конечно, – согласилась Лариса Витальевна.

– Поэтому я прошу вас, как серьезного и ответственного работника...

Тут начальник запнулся и густо покраснел.

– Просите о чем? – уточнила Лариса Витальевна.

– Скорректировать свои отношения с Денисом Поляковым, – твердо сформулировал Вадим Александрович, облегченно вздохнул и продолжил: – Уже несколько раз звонила его невеста, почти жена. Жалуется...

У Ларисы Витальевны гулко застучало в висках. Она помолчала и тихо спросила:

– А с Денисом Поляковым вы разговаривали?

– Конечно.

– И что он вам сказал?

– Что мужчина такие вопросы ни с кем не обсуждает.

Лариса Витальевна уняла противную дрожь в руках и твердо заявила:

– Зовите его сюда.

– Сюда? – растерялся начальник.

– Да. Немедленно.

Денис Поляков, крепкий высокий парень, всегда модно и дорого одетый, вошел в кабинет начальника с довольным видом и широкой улыбкой:

– Приветствую вас, дорогие коллеги! Чем обязан?

– Объяснить обязан! – не сдерживаясь, завизжала Лариса Витальевна. – Объяснить, откуда эти нелепые!.. – Тут она закашлялась, и начальник услужливо подвинул ей стакан с минеральной водой.

– Объясняю, – спокойно ответил Денис. – Дело в том, что мы с невестой Ириной подали заявление в загс. И я ре-

шил проверить, насколько серьезно она ко мне относится. Ну, любит меня или так...

– И что? – звенящим голосом осведомила Лариса Витальевна.

– И пустил слух, будто мы с вами...

– А со мной-то почему? Почему именно со мной? – перебила его Лариса Витальевна.

– А с кем? С Ниной Фёдоровной, что ли? Или с этими свиристелками сопливыми? Коллектив у нас небольшой. Вы женщина в расцвете лет, как раз подходите.

– Денис, вы вообще нормальный?

– А что такого? Симпатичный молодой человек и видная женщина в бальзаковском возрасте. Бывает сплошь и рядом.

Все замолчали. Потом начальник осторожно поинтересовался:

– И каков результат проверки?

– Отличный результат. За меня всех порвать готова, как Тузик грелку. Любит, значит. – Лицо Дениса расплылось в смущенной счастливой улыбке.

Лариса Витальевна ахнула и закашлялась.

Вадим Александрович хрюкнул, потом сделал серьезное лицо и строго приказал Денису:

– Немедленно извинитесь перед Ларисой Витальевной!

– За что? – удивился Денис.

Несколько минут участники совещания озадаченно переглядывались, а потом начальник, запинаясь, неуверенно выговорил:

– Ну... это... как бы... за дискредитацию репутации.

– В чем же тут дискредитация? Наоборот, любовник молодой и перспективный. Еще завидовать будут!

Этого Лариса Витальевна вынести уже не смогла. Она выскочила из кабинета и побежала по коридору. Денис бросился за ней и взял за руку.

– Да подождите вы!

Со всех сторон за ними с интересом наблюдали сотрудники.

– Не обижайтесь! Это же просто проверка была. Как мне еще убедиться, что Ирке я нужен, а не квартира моя и не машина? А вы женщина очень симпатичная. Только знаете что?

– Что еще? – обреченно выдохнула Лариса Витальевна.

– Зря вы мини не носите. У вас ноги красивые, вам бы пошло платье такое, короткое и облегающее... – Денис жестами стал показывать, каким должно быть короткое облегающее платье. Проходивший мимо главный бухгалтер Иван Васильевич замедлил шаг и осуждающе покачал головой.

Лариса Витальевна закрыла руками пылающие щеки и спряталась в туалете. Она долго смотрела в маленькое мутное окошко, выходящее на автомобильную стоянку. Потом собралась с силами и вернулась на рабочее место.

Только дома женщина дала волю эмоциям. Она в лицах изображала «совещание» и кричала мужу:

– Представляешь?! Нет, ты представляешь?!

– Представляю. Эта Ирина мне на мобильный тоже два раза звонила.

Тут Лариса Витальевна заплакала в голос. Муж погладил ее по голове:

– Ларочка, ну что ты в самом деле?

– Денис этот... хам такой... сказал, чтобы я платье купила, облегающее, ми-и-ини, – прорыдала Лариса Витальевна.

– Вот и купи, – спокойно ответил муж.

– Что купить? – встрепелась Лариса Витальевна.

– Платье себе новое купи и забудь про всю эту ерунду.

Выходные Лариса Витальевна провела в магазинах. В большом торговом центре она купила себе облегающее

платье мини. И новый комплект белья. И еще туфли. И сумку. И... В общем, много чего купила.

В понедельник Лариса Витальевна в новом белье, платье и туфлях, с новой сумкой шла на работу и улыбалась.

Без вранья

Саша опоздала на родительское собрание. И напрасно, потому что собрание было посвящено ей. Точнее, ее сыну Алёше, ученику 5-го «А» класса, который ждал мать в школьном коридоре и выразительно тыкал пальцем в циферблат часов.

Саша птицей взлетела на пятый этаж, рванула тяжелую дверь и ворвалась в классную комнату. Невнятно пробормотав приветствие, женщина, задыхаясь, плюхнулась на ближайшее свободное место, рядом с незнакомым высоким мужчиной в строгом дорогом костюме.

«Проверяющий!» – холодея, поняла Саша. Господи, что же теперь будет?

– Наконец-то все в сборе, – удовлетворенно произнесла классный руководитель Ирина Александровна. – Всем известно, по какому печальному поводу мы сегодня собрались.

Родители неопределенно промолчали, а учительница продолжила:

– Вчера Алексея Сырцова застали на школьной крыше, где он бросал вниз камни и обломки черепицы.

– И только по этому поводу мы сегодня собрались? – раздался недовольный возглас мамы Веры Костенко. – Я совещание отменила!

– А я – встречу с партнерами, – поддержал папа Иры Масликовой.

– Ремня дать пацану – и всё, – предложил папа Васи Стрельникова.

– Нет, не всё! – жестко отвергла его предложение Ирина Александровна. – Мы должны реагировать. Алексей Сырцов совершил дикий и безнравственный поступок. И как раз в тот момент, когда нас проверяет комиссия из комитета образования.

Мужчина в дорогом костюме расправил плечи и обвел строгим взглядом притихшую аудиторию.

На Сашу пахло сложным ароматом хорошей кожи и тонкого одеколона. Женщина сразу узнала этот запах уверенности и достатка: так пахло в фирменном отделе «Массимо Дутти» большого торгового центра. Саша не часто заходила туда, обычно пробежала мимо, стеснялась своей скромной одежды. Ей казалось, что холеные молодые продавщицы будут смеяться над застиранными джинсами и простеньким синим «дутиком»: «дутик» не вписывался в изысканный мир Дутти, где обычный на вид свитер стоил больше Сашиной месячной зарплаты. Поэтому сейчас чужеродный «запах Дутти» от случайного соседа по парте в очередной раз напомнил женщине о ее незавидном положении.

В это время родители под напором энергичной Ирины Александровны вяло обсуждали безобразное поведение Алёши и наспех произносили дежурные слова осуждения. Было заметно, что всем хотелось поскорее покончить с этим скучным и неприятным собранием и отправиться домой по своим важным делам. Поэтому усталые мамы и папы вежливо вытерпели и стенания классного руководителя, и долгие нравоучения «проверяющего»:

– Разумеется, необходимо принять самые строгие меры для пресечения деструктивной активности ученика. Такое баловство подростка неестественно, просто социально опасно, не говоря уже о том, что оно глупо и бессмысленно.

Закончив речь, «проверяющий» важно опустил на свое место, и вновь на Сашу повеяло «запахом Дутти». Женщи-

на почувствовала, что задыхается от этого богатого, лживого запаха. И тут ее понесло.

– Да сколько можно врать?! Будто вы никогда не баловались глупо и бессмысленно! Вот я в свои десять лет гостила у бабушки. Глухая деревня, развлечений мало. Вечером мы с ребятами у дороги прятались, в бурьянах...

Она так и произнесла – «в бурьянах», как в деревне говорили, с ударением на последнем слоге, и умолкла.

– И что делали? – строго уточнила Ирина Александровна.

– Комья земли и камни бросали в проезжавшие машины, – закончила Саша упавшим голосом, внутренне ужасаясь внезапно вырвавшейся откровенной и жестокой правде.

– Значит, у Лёшки это наследственное, – догадался папа Иры Масликовой.

Все засмеялись.

– Попада́ли хоть? – с сомнением пробасил папа Васи Стрельникова, тренер баскетбольной команды.

– Попадали, – созналась Саша. – Как-то даже стекло ветровое разбили.

– А машины часто ездили? – спросила мама Веры Костенко.

– Нет, редко.

– А когда машин не было, что делали? – деловито поинтересовалась мама отличника Валеры Ивлева.

– В велосипедистов бросали, – честно ответила Саша.

– Не били вас? – сочувственно вздохнула мама Нади Велеховой.

– Нет, мы сразу разбегались и прятались.

– Что ж вы, так всей толпой и бежали? – вмешался папа Вити Шмитко, преподаватель ОБЖ, и снисходительно усмехнулся. – В разные стороны разбежаться нужно было, по одному!

Он покачал головой и недовольно пробурчал себе под нос: «Учишь их, учишь...»

– А прятались где? – прозвучало сразу несколько голосов.

– За магазином. Потом можно было на другую улицу огородами уйти. Или у деда Вити за забором. У него сад такой был, полузаброшенный.

Родители замолчали. Самые молодые из них, мама и папа Серёжи Ледяева, тихо перешептывались и изредка фыркали от сдерживаемого смеха. Остальные задумчиво и светло улыбались своим мыслям.

Пауза затянулась. Первой не выдержала учительница:

– Что вы такое говорите, Александра Викторовна? Хватит воспоминаний. Не отвлекайтесь, пожалуйста! У нас ЧП. Мы обсуждаем поведение Алексея. Он совершил безобразный поступок, за который должен быть строго наказан.

– И что его, убить теперь? – пожалела Алёшу мама Нади Велеховой.

– Камнями забросать, – подсказал папа Иры Масликовой.

– Я же говорю: ремня дать – и дело с концом! – повторил свое предложение папа Васи Стрельникова.

– Детей бить нельзя! – решительно возразила мама Валеры Ивлева. – Всегда можно найти правильные слова! Поговорить, объяснить нужно!

Ирина Александровна беспомощно обернулась к «проверяющему». Тот сидел с отрешенной, задумчивой улыбкой, вовсе не отвечающей серьезности момента.

– Владимир Петрович! – жалобно воскликнула учительница. – Скажите им!

«Проверяющий» поерзал на жесткой парте и, запнувшись, произнес:

– Да, поговорить и объяснить нужно мальчику, что он мог попасть камнем в прохожих.

Потом помолчал и неуверенно добавил:

– Или в машину мог попасть.

– Или в велосипедиста, – дополнил папа Иры Масликовой.

Мама и папа Серёжи Ледяева дружно хрюкнули от смеха, но под осуждающим взглядом классного руководителя неестественно закашляли в унисон.

Вновь повисла тяжелая пауза.

Ирина Александровна с надеждой взглянула на «проверяющего», но тот не спешил продолжить речь. Поэтому учительница подвела итоги:

– Обсудив поведение Алексея Сырцова, мы пришли к выводу, что педагоги нашей школы, конечно же, примут необходимые меры, чтобы подобные поступки никогда не повторялись. В свою очередь, Александре Викторовне следует быть с сыном строже и уделять его воспитанию больше внимания, – и мстительно заключила: – Тем более что она воспитывает сына одна, мальчику не хватает мужского влияния.

Саша вспыхнула и выскочила из класса. Алёша бросился к матери, но она оттолкнула его и понеслась вниз по лестнице. Мальчик грустно потрусил следом.

– Подождите!

Саша обернулась.

Ее догонял «проверяющий»:

– Вы не расстраивайтесь! Всякое у мальчишек бывает.

– Бывает, – печально согласилась Саша.

– Вам в какую сторону? – поинтересовался «проверяющий».

– В противоположную, – вдруг разозлилась Саша и резко повернула к скверу. Клеится он, что ли? Еще этого не хватало! У сына на глазах! Саша обернулась, но мальчика нигде не было видно. Зато «проверяющий» не отставал:

– Не сердитесь! Если не очень торопитесь, давайте здесь на скамейку присядем. Я вот сказать хотел...

– Слушаю, – официально отозвалась Саша, но самой уже стало интересно: что придумал этот красавчик с «запахом Дутти». Она неохотно опустилась на скамейку и вни-

мательно посмотрела на «проверяющего». А тот сел рядом, помолчал и, неожиданно смутившись, выдавил:

– Я вам скажу: здорово вы сегодня на собрании выступили. Без вранья. Мы сами такими же были. И баловались сильно. У нас рядом с домом частный сектор был. Жила там одна пожилая женщина. Домик старенький, садик маленький, немудреный: пара яблонь да груша. Мы к ней даже никогда в сад не лазили. Да и забор там был из ветхих колышков. Как-то мы с ребятами со Славкиного балкона увидели, что она намыла много стеклянных банок и по колышкам на заборе сушиться развесила. Штук двадцать их было, наверное. Как хозяйка из дома ушла, стали мы с балкона по этим банкам из рогаток стрелять. Зачем – и сам не понимаю. Помню, так нам весело было, интересно: стекло звенит, банки на кусочки разлетаются. Так и стреляли, пока все не перебили. Скоро старушка домой вернулась. Мы на балконе стоим, смотрим, а она вошла во двор, у забора остановилась и колышки пустые трогает. Потом молча в дом ушла. А мне так стыдно стало! До сих пор, как вспомню – жаром обдает.

– И мне стыдно было, – вдруг разоткровенничалась Саша. – Я однажды кукольное платье украла. У своей одноклассницы Нины – она нас, девчонок, к себе в гости пригласила. Семья у нее обеспеченная: квартира большая, в престижном доме. У Нины своя комната была, они ее детской называли. Представляете, в этой детской комнате, в углу, специальная кукольная квартира была оборудована, с мебелью! Кровать, диван, шкаф – все как настоящее. За столиком красивая кукла сидела. И имя у нее тоже красивое было – Элиза. А платьев кукольных в шкафу – целый набор. Я потихоньку одно и стащила: голубое, с кружевом. В коридор выскочила и в портфель засунула. Домой принесла – а оно помятое всё, подол чем-то запачкался. И ведь совершенно ни к чему мне было это платье! У меня и куклы-

то такой не было, чтобы в это платье одеть. Я его потом в мусорное ведро выбросила. А мама нашла и ругала меня сильно. Даже собралась платье выстирать и обратно Нине отдать, но потом передумала. Не хотела меня позорить. И так трудно жили: отец болел, мать на двух работах, еще братишка совсем маленький...

– Знаете, а мы тоже трудно жили, – стал вспоминать «проверяющий». – Помню, как впервые в богатый дом попал. Только не к однокласснице, а к девочке одной. Мы и знакомы с ней толком не были, но она мне очень нравилась. Звали ее Наташей. Красивая: волосы черные, волнистые. Тоненькая такая, стройная. Балетом и музыкой занималась. Идет всегда гордо, как королева. Она мимо наших пятиэтажек обычно из музыкальной школы домой возвращалась. Как-то смотрю: Наташа не одна, а с Вовкой Сидоровым из 6-го «Б». Идут и весело о чем-то болтают. Я, конечно, Вовку расспрашивать стал, и он мне рассказал, что его и Наташины родители вместе работают. А главное – у девочки скоро день рождения, куда Вовку с ребятами пригласили. Тут мне больше всего на свете захотелось на этот день рождения попасть. Вовка понял, конечно, о чем я мечтаю, и говорит: «Возьму, если будешь вести себя пристойно». Мол, там все такие крутые да воспитанные будут, не мне чета. Я согласился. Мылся, чистился, лучшую рубашку надел, джинсы новые – как на праздник. Пришли – а там полный дом гостей. Девчонки, ребята незнакомые. Я Наташе букет протянул, а у самого руки дрожат – чуть не выронил. Она улыбнулась, к столу пригласила. А на столе всего полно, такая еда, какой я в жизни не видел. Ну я и стал метать всё подряд... Сижу рядом с Вовкой да ем, в разговоры не вступаю, веду себя пристойно. Только чувствую – требуется мне по неотложной нужде выйти. Я тихонько Вовке на ухо о своей беде шепчу, а он как заорет возмущенно на всю комнату: «Веди себя пристойно! Какой тебе тут сортир?»

Я в коридор выскочил. Дверь открыть не могу, дергаю – без толку. А в комнате хохот стоит. Не помню, как я оттуда выбрался, до дома не добежал. Пришлось под куст завернуть вот в таком скверике.

«Проверяющий» окинул взглядом сквер и засмеялся.

За спиной неожиданно раздался веселый детский смех. Листья зашуршали, и над низкими кустиками солнышком засияла знакомая рыжая макушка.

– Алёша, ты что, подслушивал? – возмутилась Саша.

– Больно надо! Вы сами на весь сквер орете.

– Вот ты какой, Алёша! А меня зовут Владимир Петрович. Я в комитете образования работаю. Сегодня у вас в школе на родительском собрании был.

Алёша опустил голову и тихо спросил:

– Сильно ругались? Я не буду больше...

– Правильно, куда уж больше! Больше и не надо. Ты сейчас домой возвращайся. За маму не беспокойся, я ее обязательно провожу. У нас еще с ней здесь дела важные.

Алёша утвердительно кивнул и пошагал к дому. А Саша улыбнулась про себя: надо же – дела важные! Здравствуйте – и до свидания! Вот и все дела.

Но женщина не угадала. Еще много раз Владимир с Сашей встречались по важным делам – для разговоров без вранья.

А потом поженились.

Транзитный вариант

В приемной директора многопрофильного колледжа было душно. Маленькая рыжая девушка тоскливо смотрела в окно и горько сожалела о своем приходе в среднее учебное заведение, куда она «по звонку» устраивалась на новую работу – преподавателем литературы.

Еще вчера рыжая Елена Алексеевна (или просто Леночка, как ласково именовали ее друзья и коллеги) была блондинкой, преподавала в университете зарубежную литературу и даже не помышляла о смене трудовой деятельности. В корне изменило ситуацию некое событие, на сухом языке милицейского протокола называемое рукоприкладством. Девушка ударила по лицу проректора по учебной работе Хасбулата Умаровича Идрисова, когда в своем кабинете тот неожиданно набросился на нее с объятиями и поцелуями.

До этого ей никогда и никого бить не приходилось. Более того, улыбчивая Леночка всегда относилась к окружающим очень доброжелательно и в свои двадцать восемь лет была уверена, что все ее любят. А если кто-то и не любит, то просто потому, что с ней незнаком (или знаком недостаточно хорошо). И действительно, девушку везде любили: и в семье, и на работе.

Впрочем, Леночка предполагала, что и Хасбулат Умарович ее любит. По-своему... Но зачем проявлять чувства так дико и грубо?

После рукоприкладства Леночка совершенно не знала, как жить и работать дальше. Она не заплакала (потому что вообще плакала редко, да и поводов не было), а пошла на дружественную кафедру педагогики и психологии за квалифицированной помощью.

Заведующий кафедрой Виктор Михайлович Зубков знал Леночку еще с тех славных времен, когда они вместе играли в стэмовских спектаклях. Тем не менее по отношению к девушке профессор лишнего себе не позволял и всерьез возмутился неджентльменским поведением проректора. Понимал Зубков и то, что в одном учебном заведении с мстительным горцем его молодой коллеге работать теперь не стоит.

Поэтому Виктор Михайлович отправил Леночку погулять, покрутил в руках телефон, полистал истрепанный

блокнот и тяжело задумался о том, куда и кому стоит звонить с просьбой о трудоустройстве в середине мая.

От бесплодных размышлений его отвлекло появление старшего товарища – толстого бородатого профессора Краснова.

Заведующий кафедрой всемирной истории Виталий Сергеевич Краснов славился своей любовью к застольям, песням и мату (разумеется, не к тяжелому и примитивному, а к изящному, острому и виртуозному). Любому слову он мог моментально придать неприличный оттенок и смысл и делал это так часто, непринужденно и смешно, что на него давно перестали обижаться. Даже высокое начальство, вызвав профессора на ковер для разноса, на второй минуте разговора начинало фыркать и давиться от смеха, а к концу беседы напрочь забывало о первоначальных карательных намерениях.

Хасбулата Умаровича Краснов не любил и называл его не иначе как ХУИ (полупристойной аббревиатурой из имени, отчества и фамилии проректора). К Леночке же, наоборот, относился с искренней симпатией. Поэтому, кратко и совершенно непечатно охарактеризовав поведение ХУИ, Виталий Сергеевич лишь на минуту задумался и радостно воскликнул: «Есть вариант – Букин!»

Директор многопрофильного колледжа Букин (фамилию которого Краснов в свойственной ему манере произносил иначе) был несчастным отцом одного из студентов исторического факультета. За два года обучения в университете Букин-младший успел прославиться стойким пренебрежением к учебе, абсолютным неприятием вузовских дисциплинарных требований, а также необузданно-игривым нравом и безграничной фантазией.

Поэтому многострадальный Букин-старший знал всех университетских преподавателей сына настолько хорошо и близко, что, по словам Краснова, как честный человек, давно уже должен был бы на каждом из них жениться. А са-

мому Виталию Сергеевичу – еще и выплачивать алименты за наиболее частые и продолжительные контакты.

Следствием студенческой несостоятельности беспутного сына Букина стало устройство на работу в колледж уже двух детей профессоров-историков. Недавние выпускники того же исторического (во всех отношениях) факультета тоже доставляли директору немало хлопот. Но до Букина-младшего им было бесконечно далеко.

Сомнительные успехи молодых историков на педагогическом поприще регулярно становились предметом межкафедрального родительского обсуждения. А в последнее время частым стало упоминание о проблемах с преподавателями литературы, которые сменялись в колледже с поразительной быстротой. Причины текучести кадров среди представителей изящной словесности не обсуждались. Но на данный момент это было и несущественно. Главное сейчас – Леночке помочь. Устроили же к Букину двух профессорских детей. А где двое, там и трое. Кстати, и она – тоже дочка профессора.

Глубокомысленно заключив: «Бог Троицу любит», Краснов с ходу набрал хорошо знакомый номер. Так вопрос с трудоустройством Леночки был решен.

А та, пока вершилась ее судьба, уже перестала грустить и радовалась обретенной свободе: неторопливо прошлась по магазинам, забрела в парикмахерскую, где в преддверии новой профессиональной деятельности постриглась и покрасила волосы в рыжий цвет. В результате стала выглядеть еще моложе и легкомысленнее.

Дома свекровь радостно сообщила о звонке Виталия Сергеевича с замечательным предложением для невестки: новая работа в колледже, где и зарплата больше, и директор знакомый, и коллектив прекрасный. Правда, начинать работать надо прямо сейчас, чтобы вакантное место не заняли. А диссертация может и подождать.

Удивившись и порадовавшись про себя изворотливости и хитрости профессорского ума, Леночка, разумеется, с восторгом согласилась.

Вот почему сейчас она томилась в ожидании неведомого Букина, и свежеекрашенные рыжие волосы ярким факелом сияли в темноватой приемной. Леночка ерзала на скользком черном диване, отворачивалась от сурового взгляда дородной директорской секретарши и утешала себя мыслями о том, что новая работа станет лишь непродолжительным «транзитным вариантом».

Наконец появился худой усталый Букин. Леночка с радостной улыбкой протянула ему папку с документами, которую тот взял в руки осторожно и неохотно.

– Скажите, Елена Алексеевна, сколько лет и где вы преподавали?

– Пять лет, в университете, на кафедре зарубежной литературы.

Директор поморщился. С некоторых пор слово «университет» наполнилось для него зловещим, пугающим смыслом. Горькие воспоминания о специфике обучения беспутного сына отозвались в родительском сердце тупой болью. Букин тяжело вздохнул и грустно заключил:

– Понятно.

Хотя было совершенно непонятно, как эта девчонка сможет вести занятия на отделении ПТБ – у хулиганов-пожарных, в группах, от которых последовательно отказывались все преподаватели.

Отказников-филологов на этот день набралось уже шесть. Зато сын у Букина был один-единственный. Поэтому директор подписал Леночкино заявление и не без некоторого ехидства пожелал ей успехов.

Тут ему некстати вспомнился анекдот о попугае, который любил рассуждать на политические темы. В наказание за свободомыслие хозяин на целый день закрыл его в хо-

лодильнике. А поздно вечером, выпуская из плена замерзшую птицу, злобно заметил: «Будешь знать, падла, что такое Сибирь».

Но довольная Леночка, не заметив подвоха, резво застучала каблучками в направлении отдела кадров, ловко лавируя в толпе рослых студентов, высыпавших на перемену. Чей-то жидкий тенорок над самым ухом гнусаво пропел: «Рыжая-рыжая, рыжая-бесстыжая». Леночка не обиделась, напротив, мысленно согласилась с точной оценкой своего нового образа: «В самом деле – бесстыжая: проректору по физиономии настучала, дома всех обманула с этим “транзитным вариантом”. И ведь не стыдно ни капельки!»

Собираясь в колледж на свой первый урок, Леночка надела нелюбимую строгую блузку и единственную длинную юбку, почти до середины колена. Случай был особый, и девушка решила пожертвовать красотой ради обретения преподавательского авторитета.

Колледж – не университет. Там другой контингент.

Леночка хорошо помнила страшный рассказ однокурсника Коли Дорохова про его педагогическую практику в ПТУ № 21. Там тридцать будущих слесарей на первом же занятии приветствовали студента коллективным корявым матом, а двое тут же затеяли нешуточную драку. Высокий спортивный Дорохов без особого труда раскидал драчунов по разным углам класса, громко стукнул журналом по учительскому столу и заявил:

– Я вас, ..., после занятий всех, ..., ... на ..., а сейчас, ..., заткнитесь, ...! Потому что, ..., на уроке, ..., нужно, ..., учителя слушать, а не ... заниматься, ...!

Группа растерянно умолкла, потрясенная суровой правдой Колиных слов и вескостью приведенных аргументов. А молодой педагог-новатор подчеркнуто вежливо начал урок, обращаясь к оппонентам исключительно на «вы». Зато на перемене дал волю чувствам и словам. Таких вирту-

озных ругательств ребята не слышали ни от кого и никогда. Они восторженно внимали изысканным филологическим матерным руладам и, судя по напряженным и сосредоточенным лицам, пытались запомнить хотя бы малую часть сказанного (чтобы потом с гордостью воспроизвести в кругу друзей).

На следующем уроке практикант опять поразил всех отстраненной вежливостью и серьезностью поведения. В результате его подопечные, охотно приняв предложенные «правила игры», постепенно вошли в рабочий ритм учебного процесса. Дорохова ребята полюбили настолько, что после окончания его практики написали директору училища коллективное письмо-просьбу о том, чтобы занятия и дальше продолжал вести студент.

Поэтому Леночка настроилась на непростую встречу с юными огнеборцами, но со свойственным ей легкомыслием заранее радовалась грядущим ярким впечатлениям. Поэтому появилась в колледже с безмятежным лицом и обычной веселой улыбкой.

Новые коллеги смотрели на лучезарную Леночку с интересом и нескрываемым сочувствием, а преподаватель немецкого языка Ирина Сергеевна даже зачем-то ее перекрестила. При этом глаза пожилой женщины подозрительно заблестели.

Вскоре в недрах коридора задребезжал звонок, возвещая о неизбежном начале учебного процесса. Леночка поспешила на занятия. Она честно (но тщетно) пыталась ощутить себя опытным педагогом Еленой Алексеевной. Однако этот зыбкий и неопределенный образ безвозвратно канул куда-то в глубину глубин ее мятущейся памяти.

В душной и грязной аудитории двадцать пять студентов первого курса толкались, плевались жеваной бумагой из самодельных трубочек и отчаянно орали. Двадцать шестой молча писал на доске крупными буквами неприличное слово.

«Красивый почерк», – отметила про себя Леночка. Собравшись с духом, она громко поздоровалась с группой и, пользуясь минутой внезапной настороженной тишины, участливо обратилась к двадцать шестому:

– Молодой человек! Вы напрасно расписываетесь на доске. Она нам сейчас понадобится. Да и фамилия у вас... неблагозвучная. Смеяться же будут!

И они засмеялись. Захохотали. Завизжали. Все двадцать пять человек. А багровый двадцать шестой, что-то злобно бурча, поплелся в конец аудитории и плюхнулся за последний стол.

Когда смех утих, Леночка представилась и начала знакомство с группой. Тут ей опять пришлось сделать над собой усилие, так как на каждую названную фамилию охотно откликалось сразу несколько человек. Оппоненты отчаянно спорили между собой, а их товарищи так же шумно радовались замешательству молодого педагога.

Леночка решила пойти другим путем. Она попросила каждого написать свою фамилию на общем листке, и результат поразил ее однообразием и примитивностью студенческого мышления. Большая часть фамилий оказалась незатейливыми матерными производными.

Горестно вздохнув, Леночка заметила:

– Да, нелегко вам с такими фамилиями. Ну ничего, жнитесь – поменяете.

Группа опять засмеялась, но уже не так громко и уверенно.

Повисла неловкая пауза. И Леночка от растерянности вдруг начала непедагогично рассказывать о том, как на пятом курсе, после ее замужества, рассеянный пожилой преподаватель языкознания вписал в групповой список новую фамилию девушки, но не вычеркнул старую. На каждом занятии он исправно вызывал Леночку к доске под разными фамилиями и очень удивлялся, когда отвечать выходила одна и та же студентка.

– Так вы замужем! А дети у вас есть?

– Да, сын. Такой же шумный, как вы. Только помладше.

Лет на десять.

– А как его зовут?

– Не скажу. Вы же мне своих имен и фамилий не называете. Написали какую-то ерунду, да еще и с ошибками.

– Где, где с ошибками?

– Ну вот, например, «пидарас». Нет такого слова.

– Как же нет, когда все говорят?!

– Говорят далеко не все. А правильно произносится и пишется «педераст».

– Андрюха, понял, как правильно?

– Да ну на ...!

– Не, он не запомнит!

– Пусть дома крупными буквами на бумаге напишет, над кроватью повесит и учит каждый день. Так иностранные слова запоминать удобнее.

Беседа приобретала конструктивный характер, хотя Леночка с ужасом осознавала, что сворачивает на протоптанную Колей кривую педагогическую тропу. Поэтому попыталась взять инициативу в свои руки:

– А какие произведения вы успели изучить?

– Никакие.

– Про темное царство всякое...

– А, муть одна...

– «Гроза» – это совсем не муть!

Леночка так обиделась за Островского, что начала пересказывать сюжет пьесы своими словами, с непритворным волнением и страстью. Она искренне возмущалась жестокими нравами города Калинова, ругала злобную Кабаниху, презирала тупого Тихона и безвольного Бориса, сочувствовала покинутой Катерине.

Звонок прозвучал неожиданно быстро и громко. Все двадцать шесть студентов продолжали оставаться на сво-

их местах. На их лицах проступало одинаковое удивленное выражение невольной причастности к высокому искусству.

– А дальше что?

– Прочтете сами – и все узнаете. А дома напишете сочинение о том герое, который больше всего понравился. Или, наоборот, не понравился. До свидания.

Сквозь нестройный прощальный гул прорвался запоздалый одинокий вопль:

– А как вас зовут?

И чей-то тихий голос из толпы со смехом ответил ему:

– Рыжая.

Леночка услышала и улыбнулась, еще не подозревая, что новое прозвище останется с ней на долгие-долгие годы «транзитного варианта».